

Информация для цитирования:

Котюрова М. П. Речевая системность научного текста : развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожинной) / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 144—161. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161.

Kotyurova, M. P., Bazhenova, E. A. (2025). Speech Systemicity of Scientific Texts: Conceptual Development (On Centenary of M. N. Kozhina's Birth). *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 144-161. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Речевая системность
научного текста:
развитие понятия
(к 100-летию со дня
рождения М. Н. Кожинной)**

Котюрова Мария Павловна
orcid.org/0000-0001-5418-726X
доктор филологических наук,
профессор, кафедра
русского языка и стилистики
kotyurova@yandex.ru

Баженова Елена Александровна
orcid.org/0000-0003-4580-4128
доктор филологических наук,
профессор, кафедра
русского языка и стилистики,
корреспондирующий автор
bazhenova_e2000@mail.ru

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

**Speech Systemicity
of Scientific Texts:
Conceptual Development
(On Centenary
of M. N. Kozhina's Birth)**

Maria P. Kotyurova
orcid.org/0000-0001-5418-726X
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language and
Stylistics
kotyurova@yandex.ru

Elena A. Bazhenova
orcid.org/0000-0003-4580-4128
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language and
Stylistics,
corresponding author
bazhenova_e2000@mail.ru

Perm State National
Research University
(Perm, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена одному из важнейших понятий функциональной стилистики — речевой системности. Это понятие, введенное в научный оборот М. Н. Кожиной, позволило объяснить языковую специфику функциональных стилей. Цель статьи — рассмотреть научный текст как речевую систему, которая детерминирована эпистемической ситуацией. Утверждается, что эпистемическая ситуация представляет собой единство онтологического, методологического и аксиологического компонентов научного знания. Описаны бинарные свойства речевой системы научного текста: целостность — фрагментарность, устойчивость — неустойчивость, динамичность — статичность. Сообщается, что целостность обусловлена замыслом автора и терминосистемой текста; устойчивость — понятийной конкретизацией терминосистемы; динамичность — движением мысли автора от незнания к знанию. С опорой на синергетический подход выдвигается тезис, что речевая системность текста проявляется не только в упорядоченности, но и в хаотичности, асистемности. Асистемные свойства научного текста проявляются в эластичности, иллюзорности, открытости и эмерджентности его содержания. Подчеркивается, что свойство речевой системности входит в разные парадигмы лингвистического анализа, однако сохраняет целостность и допускает вариативность интерпретации. Сделан вывод о большом объяснительном потенциале рассматриваемого понятия и его высокой продуктивности для функциональной стилистики и речеведения.

Ключевые слова:

функциональная стилистика; Маргарита Кожина; речевая системность; научный текст; эпистемическая ситуация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article is dedicated to one of the most significant concepts in functional stylistics — speech systemicity. Introduced into scholarly discourse by M. N. Kozhina, this concept elucidates the linguistic specificity of functional styles. The objective of the article is to examine the scientific text as a speech system that is determined by the epistemic situation. It is asserted that the epistemic situation represents a unity of ontological, methodological, and axiological components of scientific knowledge. The binary properties of the speech system within scientific texts are described: integrity vs. fragmentation, stability vs. instability, and dynamism vs. statism. It is reported that integrity is conditioned by the author's intent and the terminological system of the text; stability arises from the conceptual concretization of the terminological system; and dynamism reflects the author's movement from ignorance to knowledge. Drawing on a synergistic approach, it is posited that the speech systemicity of a text manifests not only in orderliness but also in chaos and asystematicity. The asystematic properties of scientific texts are evident in their elasticity, illusoriness, openness, and emergent content. It is emphasized that the property of speech systemicity fits into various paradigms of linguistic analysis while maintaining coherence and allowing for interpretative variability. The conclusion highlights the considerable explanatory potential of the concept under discussion and its high productivity for functional stylistics and speech studies.

Key words:

functional stylistics; Margarita Kozhina; speech systemicity; scientific text; epistemic situation.

УДК 811.161.1'42:001.4

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-144-161

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Речевая системность научного текста: развитие понятия (к 100-летию со дня рождения М. Н. Кожиной)

© Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2025

1. Введение = Introduction

Столетие — это веха! Она вызывает желание заново осмыслить идеи большого ученого, давшие толчок развитию нового знания. В трудах Маргариты Николаевны Кожиной¹ к одной из таких идей, безусловно, относится обоснование понятия «речевая системность», которое занимает особое место среди фундаментальных понятий функциональной стилистики [Кожина, 1968]. По значимости для отечественного языкознания понятие речевой системности можно поставить в один ряд с выдающимися открытиями гуманитариев XX века: оно ознаменовало наступление эпохи лингвистики речи.

Без преувеличения можно сказать, что понятие речевой системности изменило всю предшествующую российскую стилистику, ведущую свое начало от М. В. Ломоносова. По сложившейся с XVIII века традиции стиль понимался как совокупность языковых примет текста (в художественных текстах к таким приметам относили прежде всего метафоры, в научных — термины, в деловых — канцеляризм). М. Н. Кожина с присущей ей экспрессией заявила: «Мы утверждаем, что стиль речи создается <...> особой речевой системностью (отличной от языковой), особой организацией речи, свойственной каждой области общения, как результат своеобразных закономерностей функционирования языковых средств» [Кожина, 1970, с. 5]. По мнению М. Н. Кожиной, изучение речевой системности «немыслимо вне установления глубинных связей организации языковых элементов <...> с экстралингвистическими основами этой организации» [Кожина 1972, с. 13].

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» М. Н. Кожина определила речевую системность функционального стиля

1 Маргарита Николаевна Кожина (1925—2012) — основоположник функциональной стилистики, автор теории экстралингвистической обусловленности речи, основатель Пермской научной школы функциональной стилистики.

как «взаимосвязь разноуровневых языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанную на стремлении к единой коммуникативной цели и выполнении общей функции, обусловленную экстралингвистической базой этой разновидности...» [СЭС, 2003, с. 347]. Хрестоматийным, но не потерявшим своей актуальности является тезис о принципиальном отличии речевой системности от системности языка. В рамках речевой системности функционального стиля «та или иная общезыязыковая единица (лексема, форма, конструкция) <...> как бы семантически расщепляется и определенной своей стороной участвует в выражении и создании речевой системности соответствующего стиля» [СЭС, 2003, с. 348]. Бесспорная объяснительная значимость этого понятия связана с философским осмыслением единства формы и содержания, лингвистического и экстралингвистического в речи (см., например: [Гричин, 2022; Девяткин и др., 2025]).

Развивая понятие речевой системности, можно говорить о системности двух видов. С одной стороны, это универсальное свойство текстов определенного стиля. Власть речевой системности такова, что она «поработает, сглаживает единичное как не идущую к делу шероховатость <...> стиль системен, целостен, тотален» [Парамонов, 1997, с. 7]. С другой стороны, речевая системность является уникальным свойством конкретного текста, позволяющим осуществить более глубокий его анализ. Вместе с тем при анализе конкретного текста системность неизбежно обогащается асистемностью, вызванной дискурсивными факторами его порождения.

Цель данной статьи — рассмотреть научный текст как речевую систему, обусловленную комплексным экстралингвистическим фактором — *эпистемической ситуацией* (ЭС) в единстве *онтологической, методологической и аксиологической* сторон содержания (подробнее см. [Котюрова, 1996]).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили монографии по лингвистике: 1) Бондарко А. В. Функциональная грамматика (Ленинград, 1984) [Бондарко, 1984]; 2) Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект (Москва, 2005) [Рябцева, 2005]. Этот выбор обусловлен тем, что в лингвистических монографиях, по нашему мнению, стандарт научной речи нашел свое наиболее яркое выражение.

Считаем необходимым установить следующие принципы интерпретации научного текста как речевой системы:

— научный текст понимается как функционирующая речевая система (система-паутина), «поддающаяся» только системному мышлению;

— системное мышление оперирует *речевой системой* как феноменом, то есть целой данностью, и *речевой системностью* как свойством этой системы члениться на части (компоненты, элементы);

— рассматривается содержание именно научного знания, за пределами которого возможна асистемная информация о мнении автора, вводимом дискурсивами *можно сказать, с нашей точки зрения, на наш взгляд* и др.;

— под *эпистемической ситуацией* имеется в виду содержание научного текста, организованное по принципу речевой системы; понятие «эпистемическая ситуация» может использоваться в широком смысле (в частности, с позиций «общей системы научного знания, сложившейся в момент создания конкретного текста и определяющей методологические границы научного поиска его автора» [Чернявская, 2004, с. 164]), а также в узком смысле — применительно к отдельному тексту (понятие ЭС в широком смысле в статье не рассматривается);

— речевая система содержания текста минимизируется посредством отвлечения, абстрагирования, обобщения;

— понятие эпистемической ситуации употребляется в качестве посредника между научным знанием как экстралингвистическим фактором и научным знанием как содержанием текста.

Целесообразно дифференцировать системные (облигаторные) и асистемные (факультативные) свойства содержания научного текста. К системным свойствам относятся *целостность / фрагментарность, относительная устойчивость / неустойчивость, динамичность / статичность*. Среди факультативных свойств, обусловленных авторской индивидуальностью, доминируют *эластичность, иллюзорность, открытость, эмерджентность* (см. об этом [Котюрова и др., 2011]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Системные свойства научного текста

Научное понятие «эпистемическая ситуация» целесообразно конкретизировать (М. Н. Кожина справедливо противопоставляет художественно-образную и понятийную конкретизацию). Так, эпистемическая ситуация раскрывается, развертывается, развивается, расширяется, сужается, уточняется, то есть она связана с конкретизацией понятия в контексте целого научного произведения. При этом данное понятие выполняет двоякую функцию: с одной стороны, оно ориентирует автора текста на представление об эпистемической ситуации, сложившееся под влиянием трудов предшественников; с другой стороны, благодаря понятию эпистемической ситуации адресант и адресат формируют кон-

текстуально-целостную сущность — системное содержание конкретного научного текста.

Обратимся к целому тексту как носителю эпистемической ситуации. Системное содержание текста оформлено в виде заверщенного научного произведения: статьи, монографии, диссертации, учебника. Рассмотрим целостность этого содержания в качестве доминирующего параметра на шкале **целостность / фрагментарность**.

Научный текст как система не монолитен ни в формальном, ни в содержательном отношениях. Отсюда ясно, что целостность — понятие многомерное и разноаспектное, а его содержание обусловлено и основанием деления, и результатом деления — компонентами, элементами, единицами и их связью. Целостность создаваемой автором речевой системы определяется его замыслом, в то время как читатель формирует (или не формирует) речевую систему в результате восприятия и понимания элементов содержания уже заверщенного произведения. В связи с этим вопрос о целостности речевой системы и речевой системности также членится: на каком основании, из каких компонентов складываются речевая система и речевая системность? Какие отношения устанавливаются между компонентами этих систем? Какими речетекстовыми средствами выражаются все эти сущности?

Речевая система **эпистемическая ситуация** целостна, в противном случае она утрачивает основное качество — системность. В то же время система сохраняется при условии **эластичности**. Поясним, что под эластичностью понимается готовность автора (исследователя) к изменению содержания и формы уже усвоенной речевой / текстовой единицы; поиск и актуализация вариантов (прежде всего синонимов) в тех или иных подсистемах языка (лексической, грамматической, семантической, функционально-семантической и др.). Формирование «недостающих», но актуальных элементов можно соотнести с тем, что эластичность мышления воздействует на отбор единиц речи с учетом их семантики. Кстати, следует отметить, что именно эластичность как готовность к изменению отдельных элементов речевой системности сдерживает «поток сознания» автора, обуславливая тем самым возможность саморедактирования и совершенствования текста.

В качестве другого параметра фундаментального свойства речевой системности научного текста выступает **устойчивость / неустойчивость** как результат полного либо неполного соблюдения языковых и речетекстовых норм, принципов отбора и сочетания языковых единиц, эксплицирующих содержание в соответствии с принятой традицией, а также индивидуальными пристрастиями автора. **Устойчивость / не-**

устойчивость речевой системы зависит от влияния экстралингвистических факторов. Как пишет М. Н. Кожина, «комплекс действующих экстралингвистических факторов многообразен и каждый раз выступает в новых, в том числе и неповторимых сочетаниях, а у носителя языка имеются лишь общие представления, приблизительные знания о принципах отбора и сочетания языковых средств...» [Кожина и др., 2008, с. 106]. И. П. Хуыз установлено, что «академическое письмо на русском языке, как правило, представляется читателю сложным, поскольку при восприятии необходимо домысливать информацию [Хуыз, 2023, с. 149]. Поэтому при создании научного текста большое значение приобретает понятие-посредник «эпистемическая ситуация», объединяющее как объективную (устойчивую), так и субъективную (неустойчивую) стороны познавательной деятельности. Устойчивость речевой системы текста обусловлена экстралингвистическими стилеобразующими факторами: формой общественного сознания, видом деятельности, сферой общения и типом мышления. Наряду с этими — ядерными, сильнодействующими — факторами влияние на текст оказывают нестилеобразующие, дискурсивные факторы. Важно, что воздействие дискурсивных факторов не приводит к разрушению речевой системы научного текста в силу устойчивости ядра этой системы — эпистемической ситуации.

В рассматриваемом плане важно подчеркнуть, что устойчивость ядерной подсистемы эпистемическая ситуация противостоит неустойчивости ее окружения, которая объясняется воздействием целого ряда сильнодействующих дискурсивных условий [Викторова, 2015]. На этом основании можно заключить, что речевая система научного текста благодаря устойчивости ядерного компонента, то есть эпистемической ситуации, преодолевает «натиск» среды как неустойчивого компонента речевой системы. На шкале параметра **устойчивость / неустойчивость** среда выступает в качестве неустойчивой, дополнительной, периферийной по отношению к основной, ядерной части ЭС.

Представляется, что понятие эпистемической ситуации не противоречит синергетическому подходу к изучению систем, во всяком случае в части понимания системы как единства упорядоченности и хаоса. Так, онтологическая сторона ЭС организована совокупностью семантических блоков, объединяющих исходные, основные и уточняющие понятия. Исходные понятия относятся к фонду научного знания, являются общими для адресанта и адресата и не определяются в тексте. Основные понятия выражают концептуальное содержание полученного знания, поэтому они не только определяются, но и развиваются, конкретизируются, уточняются. Динамичность понятийной системы обусловлена ориентацией автора на

совершенствование текста. Уточняющие понятия используются в качестве логико-семантических конкретизаторов основных понятий.

В отличие от четкой системности онтологической стороны эпистемической ситуации, ее методологическая и аксиологическая стороны отличаются хаотичностью, поскольку они в большей степени зависят от воли автора. Конечно, важно, что для передачи типизированного научно-познавательного процесса автором используются прежде всего термины, составляющие устойчивое ядро научного знания. Вместе с тем в реальном тексте устойчивость терминсистемы вынуждена преодолевать хаотичное сопротивление неустойчивости (воли автора, выраженной в «шлейфе» терминсистемы текста), обеспечивая тем самым понимание и самодостраивание целостной структуры содержания (смысла) научного текста.

Итак, **устойчивость / неустойчивость** — фундаментальный параметр *феномена* речевой системы и его *свойства* речевой системности. Подчеркнем, что устойчивость научного текста обеспечивается системным мышлением и адресанта, и адресата, а также их интеллектуальной волей и интуицией.

Перейдем к рассмотрению еще одного универсального свойства речевой системы содержания научного текста — **динамичности / статичности**. Этот параметр мы соотносим с движением мысли от не-знания к знанию, от формирования эпистемического контекста к постановке проблемы, выдвижению гипотезы, поиску аргументов и обобщению. Динамика системной мысли автора обусловлена формированием концепции, причем не только концепции со сложной структурой, но и любого утверждения вместе с его аргументацией. Динамика речевой системности текста осознается благодаря наличию в нем уточняющих слов и оборотов, синонимов, различных дискурсивов, сочинительных рядов и др. Приведем примеры использования сочинительных рядов из книги Н. К. Рябцевой: *Механизм формирования таких представлений предельно прост и эффективен. Он заключается в том, что абстрактные и сложные явления получают **неявное, неосознаваемое, «автоматическое», метафорическое или метонимическое** [5 компонентов ряда] **определение, структурирование, описание, и в целом концептуализацию, подсознательное осмысление, интерпретацию** [6 компонентов], **в терминах конкретных, физических, наиболее значимых, данных в ощущениях** [4 компонента], **предметов и явлений, ассоциируются с ними, уподобляются им и представляются** [3 компонента] **в сознании и языке по аналогии с ними** [Рябцева, 2005, с. 58].*

Насыщение текста сочинительными рядами свидетельствует о конкретизации автором используемых понятий.

Фрагмент более сложного, попарного структурирования сочинительного ряда, акцентированного сложными союзами: *Это не просто сопоставление и сравнение, а установление аналогии и уподобление, не восприятие структуры и устройства, а их проецирование и «наложение», не распознавание целого, а его «дотраивание», не улавливание категориального сходства, а его формирование и т.п.* [Рябцева, 2005, с. 30].

Динамичность, изменчивость мысли адресанта до публикации текста не требует доказательства. В частности, об эластичности текста, то есть готовности автора к изменению содержания, свидетельствует многократное переиздание (с исправлениями) научного труда. Так, по словам А. В. Бондарко, текст «Функциональной грамматики» он редактировал 14 раз (!). Это не только пример ответственности, но и научный факт, который можно интерпретировать в качестве аргумента к тезису о динамичности мысли автора.

Таким образом, необходимыми и в совокупности достаточными свойствами речевой системы научного текста выступают **целостность**, **устойчивость** и **динамичность**. Наряду с этими универсальными свойствами, в данной системе обнаруживаются (или не обнаруживаются) такие дополнительные, факультативные свойства, как иллюзорность, открытость, эмерджентность.

3.2. Асистемные свойства научного текста

В научном тексте тесно переплетены знание и незнание, которые образуют единство содержания и «вопрошающего компонента». По мнению М. К. Мамардашвили, в работах которого используется этот термин, знание того, что мы видим, мешает нам видеть видимое. Поэтому содержательной частью знания в научном тексте является то, что известно о предмете исследования, в то время как «вопрошающая часть» соотносится с «неполнотой знания, необходимостью выхода за пределы разумного в сферу иллюзии» [Мамардашвили, 1995, с 44].

От иллюзий, погрешностей и ошибок не защищены ни автор, ни читатель. Иллюзорность восприятия текста соотносится с заблуждениями, возникающими при его чтении, в частности с иллюзией адекватного понимания выраженной автором мысли. Именно такой иллюзией можно объяснить погрешности и ошибки, допущенные переводчиками научных текстов (см.: [Алексеева, 2013]).

Любой компонент текста как системы (на уровне онтологии, методологии, аксиологии) может выступать источником и носителем как логически предсказуемых, так и непредсказуемых свойств создаваемого текста. Открытость, присущая как системе в целом, так и ее компонентам, является природным свойством речевой системы научного текста: в процессе

его восприятия и тем более понимания читатель может достраивать и совершенствовать содержание текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции, что, несомненно, также говорит об открытости речевой системы.

На получение нового научного знания оказывает воздействие эпистемическая ситуация, сложившаяся в науке к моменту создания текста (взлет, застой, кризис, флуктуация и т. д.). Современная наука весьма динамична, тем не менее нередко звучат нарекания в связи с недостатком методологичности и призывы к ее расширению и углублению. Потому и возникает вопрос, как понимать н о в ы з н а н и я . На наш взгляд, для интерпретации полученного автором знания можно наложить модель ЭС на доминирующий результат и определить его онтологическую, методологическую и аксиологическую ценность.

Так, объект философского знания, представленный понятиями «материя — сознание», претерпевает существенное изменение, обуславливающее перестройку в связи с разработкой искусственного интеллекта (ИИ) и быстрым расширением сферы роботизации. Буквально на глазах происходит переформирование онтологии философского знания, поскольку субъект познавательной деятельности уже представлен не только интеллектуально-языковой личностью, но и сущностью, наделенной ИИ. Понижение познавательного уровня от абстрактного к конкретно-абстрактному неизбежно характеризуется изменением методологии любого исследования. А к с и о л о г и я знания, на первый взгляд, не столь существенна, однако... Если учесть, что аксиология формируется прежде всего через оценку нового знания, причем не только рациональную, но и эмоциональную, то нельзя не признать особой роли личности ученого. Оценка невероятно зависима от личных качеств отдельно взятого эксперта, дающих о себе знать на разных уровнях, в разных условиях и ситуациях функционирования системы.

3.3. Репрезентация динамичности знания в научном тексте

Объем статьи не позволяет рассмотреть все аспекты системности научного текста, поэтому ограничимся лишь иллюстрацией динамичности понятийной системы — наиболее важного свойства, обусловленного движением мысли автора от незнания к знанию. Представим краткий анализ первого раздела монографии А. В. Бондарко «Функциональная грамматика» (1984), посвященной изложению теории функциональной грамматики (раздел «Общая характеристика» первой главы «Предмет и задачи функциональной грамматики»). Обратим внимание, что этой монографии предшествовала серия публикаций (более 20 книг и статей), в которых на протяжении трех десятилетий шлифовалась новаторская лингвистическая

теория. В предисловии к книге автор знакомит читателей с этапами формирования концепции, сосредоточив внимание на выдвигении и развитии основных понятий. См.:

В наших прежних публикациях (до 1981 г. [см. Бондарко 1968; 1971а, с. 3—75; 1976, с. 204—244]) речь шла о ФСП, опирающихся на грамматическую категорию как на центр (ядро), вокруг которого группируются другие (периферийные) средства. Именно так... мы трактовали ... отношения в ряду: глагольное время и темпоральность, наклонение и аспектуальность...

Морфологические категории (МК) рассматривались нами как исходный пункт для выделения функционально-семантической категории (ФСК)...; следующий шаг — определение других языковых элементов, которые взаимодействуют с данной МК на базе частичной семантической общности...

Правда, в принципе допускалась возможность существования ФСК, не опирающихся на МК... Однако подобные типы ФСК... не играют существенной роли в излагаемой теории.

Данная морфолого-центрическая интерпретация функционально-семантических категорий (полей), изложенная нами в ряде работ конца 60-х годов и (в наиболее полном виде) в указанной работе 1971 г., не рассматривается нами в настоящее время как устаревшая. Однако теперь мы трактуем тип ФСП, опирающегося на морфологическую (и шире — грамматическую) категорию не как основу самого понятия ФСП, а как один из возможных структурных типов ФСП. Таким образом, мы исходим из принципа многообразия возможных типов ФСП. Следовательно, излагаемая нами в настоящее время теория ФСП не отменяет указанную выше морфологически ориентированную концепцию..., а включает ее (как частный, хотя и очень важный случай) в теорию ФСП, ориентированную на более широкий круг ФСП разных типов. Эта более новая теория ориентируется на понятие системы ФСП [Бондарко, 1984, с. 58—60].

В приведенном фрагменте на динамику знания указывают ссылки (Бондарко 1968, 1971а); лексемы с темпоральной семантикой (в прежних публикациях, следующий шаг, в ряде работ конца 60-х годов, излагаемая в настоящее время теория); противопоставление глаголов прошедшего и настоящего времени (речь шла о..., мы трактовали, категории рассматривались, допускалась возможность — теперь мы трактуем...).

Привлечение внимания к хронологической последовательности этапов исследования не только актуализирует фоновые знания читателя, но и создает основу для дальнейшего развития теории, ядром которой является

понятие функциональной грамматики. См.: *В каждой грамматике в той или иной мере представлен функциональный аспект. Что же дает основание говорить о функциональной грамматике (функц. гр.) как об особом типе грамматического описания? Какова специфика грамматики этого типа?* [Бондарко, 1984, с. 3].

Для конкретизации основного понятия и заострения внимания на его новизне автор включает это понятие в систему логических отношений с близкими, но не тождественными понятиями: «грамматика» — «функциональная грамматика» — «функциональная грамматика особого типа». Целенаправленное сужение предмета исследования, с одной стороны, является способом понятийной конкретизации, с другой — привлекает внимание адресата к новому знанию, в данном случае посредством использования вопросительных предложений с акцентирующим повтором: *особый тип грамматического описания — специфика грамматики этого типа*. Обоснование ответа на поставленные вопросы составляет главное содержание монографии и определяет развертывание ее смысловой структуры в силу «векторной направленности предтекста» [Гальперин, 2006, с. 52, 61].

Конкретизация понятия «функциональная грамматика особого типа» начинается с выделения двух аспектов новой науки: *Первый аспект — это система грамматических единиц, классов и категорий <...> Второй аспект — это система закономерностей и правил функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней* [Бондарко, 1984, с. 3].

Подчеркнем, что понятийная конкретизация, которая в рассматриваемом фрагменте текста осуществляется посредством усложнения основного понятия, сопровождается выражением авторской уверенности в достоверности нового знания. На это указывают, в частности, наречия меры и степени (*чрезвычайно важным компонентом функц. гр. является..., абсолютно новую... дисциплину*); противительная семантика синтаксических конструкций (*Функц. гр. представляет собой не отрицание грамматики..., а специальное развитие функциональной грамматики как целого; Функц. гр. не порывает с системно-структурным... аспектом грамматического строя языка. Напротив...; описание строится не по отдельным уровням..., а на основе опоры на функционально-семантические единства данного языка*), а также констатирующая тональность изложения в целом (*специфика функц. гр. заключается в том, что...; системно-структурный аспект описания... отличается сильной, подчеркнутой функциональной ориентацией; господствующим началом являются потребности передачи смысла...; принцип единства... определяет место функц. гр. в общей системе грамматики как науки*).

В научном тексте специальным логико-речевым средством понятийной конкретизации выступает дефиниция. См.: ***Итак, функц. гр. может быть определена как грамматика, 1) ориентированная на изучение и описание закономерностей функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующими в передаче смысла высказывания; 2) предполагающая возможность анализа не только в направлении от формы к значению..., но и в направлении от значения к форме...*** [Бондарко, 1984, с. 5].

Ядром приведенной дефиниции является детерминирующий предикат, который указывает на ближайший к определяемому понятию род: *функциональная грамматика — грамматика*. С ядром соотносятся спецификаторы, сообщающие характерологические, конструктивные и функциональные признаки основного понятия. В данной дефиниции спецификаторы выражены двумя причастными оборотами, первый из которых указывает на область приложения и структуру основного понятия (1), второй эксплицирует его методологический потенциал (2). Форма сказуемого *может быть определена* свидетельствует о некатегоричности изложения как одной из конвенциональных стилевых черт научной речи.

Хотя в первом разделе анализируемой монографии не раскрывается в деталях содержание понятия «функциональная грамматика», опорные точки его дальнейшей конкретизации даются читателю уже здесь. Для развития основного понятия автор прибегает к процедуре расчленения выводного знания и систематизации уточняющих понятий путем установления между ними логико-семантических отношений. Понятийная система теории функциональной грамматики схематично представлена на рис. 1.

Рис. 1. Понятийная система функциональной грамматики А. В. Бондарко

Данным понятиям принадлежит ведущая роль в речевой системе и смысловой структуре рассматриваемой монографии. Неслучайно номинации ключевых понятий входят в названия глав: «Структурные типы функционально-семантических полей» (глава II), «Категориальные ситуации» (глава III).

Отдельные понятия в речевой системе научного текста связаны логико-семантическими отношениями наличия, сопоставления, включения, зависимости, цели и др. В монографии А. В. Бондарко для экспликации этих отношений используются релятивные глагольные формы, например: *Грамматика данного типа должна включать... а) анализ системы языковых средств, участвующих в реализации изучаемых функций; б) анализ семантических функций, реализуемых в высказывании, в речи. В разрабатываемом нами варианте функц. гр. этим целям служат два компонента: а) описание структуры ФСП в составе системы полей данного языка...; б) описание типовых категориальных ситуаций..., базирующихся на определенном ФСП и репрезентирующих элементы его содержания и выражения в высказывании* [Бондарко, 1984, с. 5].

Большую роль в понятийной конкретизации играют средства квалификативной оценки (в примерах выделены разрядкой), которые акцентируют значимость того или иного понятия в общей терминосистеме текста. Например: *В системе понятий и терминов функц. гр... понятие категориальной ситуации соотносится с понятием функционально-семантического поля. Это два основных понятия, на которых строится данный тип функц. гр. Из двух указанных понятий первичным, базовым является понятие ФСП. Понятие КС производно от него, представляя собой отношение ФСП не только к языку, но и к речи, высказыванию* [Бондарко, 1984, с. 104].

В основной части книги понятийно-терминологическая система нового знания не только уточняется, но и «достраивается» за счет введения в текст новых понятий («макросреда», «микросреда», «моноцентрическое поле», «полицентрическое поле», «таксис» и др.). Так, понятие «система ФСП» конкретизируется через понятие «группировки полей», последнее, в свою очередь, получает дальнейшую конкретизацию в зависимости от типа ядра той или иной группировки: *поля с предикативным ядром, поля с предметным ядром, поля с обстоятельственным ядром* и др. В результате анализа и синтеза, деления и объединения понятийная конструкция нового знания приобретает целостный, системный и относительно завершенный вид, отличающий теорию от дотеоретических форм научного знания.

Итак, в рассмотренном фрагменте монографии лаконично представлена понятийная система концепции, из которой посредством понятийной

конкретизации будет сформировано новое знание в его полном объеме. Организация смысловой структуры научного текста в соответствии с развитием понятий и отражением динамики научной мысли автора направлена не только на создание речевой системы текста, но и на вовлечение адресата в процесс усвоения нового знания.

4. Заключение = Conclusions

Понятие системы так широко и многопланово, что его изучение остается актуальным. Несмотря на то, что лингвистикой приняты понятия «языковая система», «речевая система», в современных условиях, особенно в связи с интересом к системному мышлению в разных областях научного знания, системность научной речи требует дальнейшего изучения. В данной статье рассмотрены необходимые и достаточные параметры феномена рече-текстовой системы, а также ее облигаторного свойства — системности содержания научного текста. Установлено, что научно-познавательный комплекс «научное знание (как экстралингвистическая основа) — текст» формируется системным мышлением автора через посредника — эпистемическую ситуацию. Это понятие рассматривается нами в соответствии с принципом понятийной конкретизации, введенным в функциональную стилистику М. Н. Кожинной в 70-х годах прошлого века. Аналитико-синтезирующий компонент системного мышления обусловил выявление и дифференциацию доминирующих параметров эпистемической ситуации — посредника между научным знанием как экстралингвистическим фактором и научным знанием как содержанием текста. Функционирование содержательно-речевой системы текста обеспечивается свойствами целостности, устойчивости, динамичности. Целостность содержания создается онтологическим центром — терминосистемой текста. Устойчивость содержания достигается совокупностью блоков исходных, основных и уточняющих понятий, ориентированных на понятийную конкретизацию терминосистемы. Динамичность содержания подпитывается окружением, «шлейфом», средой, в которой формируется научное знание.

Таким образом, применение системного мышления (от целого — к части) к речевой системе эпистемическая ситуация, понимаемой как единство компонентов онтологии, методологии и аксиологии познавательной деятельности, позволяет установить такие основные (они же необходимые и достаточные) параметры речевой системности речи, как целостность, устойчивость и динамичность, а также дополнительные, факультативные, периферийные параметры этой системы — эластичность, иллюзорность, открытость, эмерджентность.

В заключение подчеркнем, что понятие речевой системности как универсального свойства текста соотносится с разнопорядковыми единицами и категориями, сохраняя при этом целостность и допуская использование разных методов анализа. Все сказанное свидетельствует о большой объяснительной силе этого понятия и его продуктивности для функциональной стилистики и речеведения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, 1984. — 133 с.
2. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — Москва : Academia, 2005. — 640 с. — ISBN 5-87444-224-3.
3. СЭС — *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М. Н. Кожина. — Москва : Флинта : Наука, 2003. — 696 с. — ISBN 5-89349-342-7.

Литература

1. *Алексеева Л. М.* Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект) / Л. М. Алексеева. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. — 189 с. — ISBN 978-5-7944-2077-7.
2. *Викторова Е. Ю.* Вспомогательная система дискурса / Е. Ю. Викторова. — Саратов : Наука, 2015. — 404 с. — ISBN 978-5-9999-2517-6.
3. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Изд. 4-е стереотипное. — Москва : КомКнига, 2006. — 144 с.
4. *Гричин С. В.* Моделирование эвиденциальности в научном дискурсе / С. В. Гричин, О. В. Ульянова // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 3 (50). — С. 185—187.
5. *Девяткин Д. А.* Большие языковые модели и жанрово-речевая системность / Д. А. Девяткин, В. А. Салимовский, Н. В. Чудова, А. А. Рыжова, О. Г. Григорьев // Жанры речи. — 2025. — Т. 20. — № 1 (45). — С. 6—23.
6. *Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики / М. Н. Кожина. — Пермь : Пермский государственный университет, 1968. — 251 с.
7. *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими / М. Н. Кожина. — Пермь : Пермский государственный университет, 1972. — 395 с.
8. *Кожина М. Н.* Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / М. Н. Кожина. — Москва, 1970. — 46 с.
9. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 464 с. — ISBN 978-5-9765-0256-7.

10. Котюрова М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения / М. Н. Кожина // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII—XX вв. В 3 т. — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1996. — Ч. 1. — Т. 2. — С. 341—370.

11. Котюрова М. П. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / М. П. Котюрова, Л. С. Тихомирова, Н. В. Соловьева. — Пермь : Пермский государственный университет, 2011. — 394 с. — ISBN 978-5-9765-4298-3.

12. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили. — Москва : Ad Marginem, 1995. — 548 с.

13. Парамонов Б. М. Конец стиля / Б. М. Парамонов. — Санкт-Петербург, Москва : Граф, Алетейя, 1997. — 462 с.

14. Хутыз И. П. Фактор адресата в письменном академическом дискурсе / И. П. Хутыз // Коммуникативные исследования. — 2023. — Т. 10. — С. 146—162. — DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162.

15. Чернявская В. Е. Научное познание — «власть дискурса» (Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий) / В. Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте. — Пермь : Пермский университет, 2004. — Выпуск 7. — С. 162—173.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025,
одобрена после рецензирования 17.05.2025,
подготовлена к публикации 10.06.2025.

Material resources

- Bondarko, A. V. (1984). *Functional grammar*. Leningrad: Nauka Publ. 133 p. (In Russ.).
Ryabtseva, N. K. (2005). *Language and natural intelligence*. Moscow: Academia. 640 p. ISBN 5-87444-224-3. (In Russ.).
SES — Kozhina, M. N. (ed.). (2003). *Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka Publ. 696 p. ISBN 5-89349-342-7. (In Russ.).

References

- Alekseeva, L. M. (2013). *Specificity of scientific translation (anthropocentric aspect)*. Perm: Perm State National Research University. 189 p. ISBN 978-5-7944-2077-7. (In Russ.).
Chernyavskaya, V. E. (2004). Scientific knowledge — “the power of discourse” (Linguistic understanding of premature scientific discoveries). In: *Stereotyping and creativity in the text*, 7. Perm: Perm University. 162—173. (In Russ.).
Devyatkin, D. A., Salimovsky, V. A., Chudova, N. V., Ryzhova, A. A. (2025). Large language models and genre-speech consistency. *Genres of speech*, 20 / 1 (45): 6—23. (In Russ.).
Galperin, I. R. (2006). *Text as an object of linguistic research. Ed. 4th stereotypical*. Moscow: KomKniga Publ. 144 p. (In Russ.).
Grichin, S. V., Ulyanova, O. V. (2022). Modeling evidentiality in scientific discourse. *Cognitive studies of language*, 3 (50): 185—187. (In Russ.).
Khutyz, I. P. (2023). The addressee’s factor in written academic discourse. *Communicative research*, 10: 146—162. DOI: 10.24147/2413-6182.2023.10(1).146-162. (In Russ.).

- Kotyurova, M. P. (1996). The expression of the epistemic situation in the peripheral texts of the whole work. In: *Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the XVIII—XX centuries. In 3 volumes, 1 (2)*. Perm: Publishing House of Perm University. 341—370. (In Russ.).
- Kotyurova, M. P., Tikhomirova, L. S., Solovyova, N. V. (2011). *Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about the speech individuality of a scientist*. Perm: Perm State University. 394 p. ISBN 978-5-9765-4298-3. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1968). *On the foundations of functional stylistics*. Perm: Perm State University. 251 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1970). *Problems of specificity and consistency of functional speech styles*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 46 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N. (1972). *On the speech consistency of scientific style in comparison with some others*. Perm: Perm State University. 395 p. (In Russ.).
- Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovsky, V. A. (2008). *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flint: Nauka. 464 p. ISBN 978-5-9765-0256-7. (In Russ.).
- Mamardashvili, M. K. (1995). *Lectures on Proust: the psychological topology of the path*. Moscow: Ad Marginem. 548 p. (In Russ.).
- Paramonov, B. M. (1997). *The end of style*. St. Petersburg, Moscow: Agraf, Aleteya. 462 p. (In Russ.).
- Viktorova, E. Y. (2015). *Auxiliary system of discourse*. Saratov: Nauka Publ. 404 p. ISBN 978-5-9999-2517-6. (In Russ.).

*The article was submitted 30.04.2025;
approved after reviewing 17.05.2025;
accepted for publication 10.06.2025.*